

Академгородку не хватает денег даже на самое необходимое. Нужно получать из бюджета и зарабатывать по крайней мере вдвое больше, чтобы хоть как-то поддерживать наиболее перспективные исследования и облегчить участь абсолютного большинства научных сотрудников, отброшенных далеко за черту унижительной бедности. Надежд на государственные источники пока никаких. Выделенные недавно российским правительством для сибирских ученых дополнительные 100 миллионов рублей при нарастающей гиперинфляции скорее акт морального сочувствия, чем серьезная материальная помощь.

И в то же самое время в запасниках сибирских институтов мертвым капиталом лежат, сотни миллионов советских и инвалютных рублей. Мы имеем в виду более 600 готовых к внедрению в народное хозяйство разработок. Чего, казалось бы, проще, используя рыночную свободу, продавать наукоемкие технологии и оборудование, идеи, ноу-хау, которых, по приблизительным даже расчетам, хватит лет на пять! Но здесь как раз камень преткновения, масса неувязок и аналогичных проблем.

Самой удобной и надежной для ученых формой инновационной деятельности остаются хоздоговоры, на которых Академгородок зарабатывал в прошлом до 200 миллионов

В Новосибирский Академгородок мы приехали, чтобы уяснить для себя причину исподволь вызревающего конфликта между президиумом Сибирского отделения АН и научно-техническими кооперативами, малыми предприятиями, внедренческими фирмами, того стихийно разрастающегося бизнеса, который, по словам заместителя председателя СО члена-корреспондента Академии наук СССР С. Васькова, львиную долю прибыли извлекает из почти бесплатного пользования оборудованием, машинным временем, готовых научных разработок институтов. Даже взятая сама по себе эта тема давала простор для размышлений, но, как выяснилось, конфликтная ситуация — лишь сопутствующий продукт тех драматических процессов, которые протекают в отечественной науке.

ПОЧЕМ НА РЫНКЕ ЯБЛОКО НЬЮТОНА?

тивной критики. Оставим в стороне морально-этические оценки, «страшную», по мнению, академика Д. Кнорре, коммерциализацию мыслей, общего настроения, слепую власть наживы и чистогана, проявление которой уже оборачивалось в сибирских институтах скандальными историями. Возьмем чистую экономику.

Вначале существенная оговорка. Самофинансирование и фундаментальная наука несовместимы, что давным-давно подтверждено практикой, существующей в развитых странах, где научные центры финансируются государством, получающим с науки «навар» в ходе реализации новейших изобретений, внедрения их в производство.

Как заметил руководитель малого предприятия «Экоцикл» кандидат технических наук Б. Пахтусов, смешивать функции бизнеса и науки — значит погубить и то, и другое. Надо исходить из той очевидной истины, что единственная цель бизнеса — это получение прибыли, а еще лучше сверхприбыли, а заниматься благотворительностью, подкармливая науку, — это с точки зрения рынка нонсенс, это сплошной идеализм.

Однако несовместимость чистой науки и чистого предпринимательства — это, образно говоря, несовместимость Северного и Южного полюсов, которые только в совокупности формируют облик земли. В нашем случае наука и бизнес, озарения «яйцеголовых» в тиши лабораторий и одержимое служение оборотистых людей «золотому тельцу» в гомоне бурного рынка, будучи антиподами, в целом могут и должны составить такую систему, в которой вдохновение, открытие, научная разработка приобретут товарную ценность и не будут ни залеживаться, ни расхищаться кем попало. Без этого никакое законодательство по защите интеллектуальной собственности не спасет от разбазаривания научный потенциал.

И в тех страстях, которые разгорелись в Академгородке вокруг кооперативов и малых предприятий, юридически не связанных с президиумом СО, главное не то, что они делают и как делают, не в «сумасшедших» заработках и даже не в бесплатном использовании помещений, оборудования, машинного времени (их можно в конце концов купить, арендовать, что сейчас и делается). Главное в том, что любой сотрудник может, став предпринимателем по совместительству или окончательно, унести из лаборатории в форме копии чертежей, записок, а то и просто в форме витающей в воздухе идеи, выстраданной многими людьми, ценнейший стартовый капитал, унести просто, как чемодан, о ценности которого никто не догадывается.

И немудрено, что в сметах некоторых кооперативов и малых предприятий Академгородка затраты составляют около 9—10 процентов, а фонды заработной платы достигают 60—70 процентов. Назвать это безнравственным язык

не поворачивается по одной причине: в нашем отечественном «рынке» все перевернуто с ног на голову. Мы познакомились с талантливыми ребятами из кооперативного объединения «Биос». Их последнее изделие — аппарат для синтеза биологических препаратов в малых дозах, у которого, говорят, нет аналогов в мире. Но при этом цена его много ниже мировых стандартов. Откуда же в этом кооперативе почти 20-кратное превышение доходов над расходами, если он арендует и помещение, и оборудование, платит за комплектующие изделия? Фокус в том неоплаченном труде многих людей, создавших идею, которая и легла в основу создания синтезатора. И не следует упрекать предпринимателей в грабеже института, потому что нельзя грабить то, что не имеет цены, нельзя покушаться на чужую собственность, если она не имеет рыночной стоимости.

В президиуме СО сетуют, что вся эта неразбериха из-за отсутствия законодательства по защите интеллектуальной собственности. Принимают контрмеры, создавая малые предприятия при институтах, которые достаточно жестко регламентируются и контролируются, хотя и делают много для внедрения новшеств в производство. Вряд ли такой контроль, даже при разработке внутренних правил по защите интеллектуальной собственности, даст полноценный эффект. Пришло время, когда надо думать о контроле экономическом, финансовом, когда сами рыночные законы регулируют меры поощрительные и запретительные.

Осмелимся сделать такой вывод. Надежно защитить интеллектуальную собственность можно лишь в том случае, если она станет в разумных пределах объектом купли-продажи, особого рода товаром, который свободные предприниматели оплачивают или эксплуатируют по договору, уступая право на часть прибыли владельцу этого товара. И только тогда интеллектуальная собственность может быть надежно защищена, как любая другая, государственным законодательством, правилами внутреннего распорядка института или фирмы, моральными запретами.

В СО нас познакомили с любопытным документом. Обратите внимание только на часть перечня той секретной информации, которую сотрудник американской фирмы «Каталитик-Инкорпорейдет» по договору не имеет права разглашать или использовать в своих целях где бы то ни было и когда бы то ни было. Он не должен разглашать информацию, касающуюся «...изобретений, открытий, процессов, систем, методов, формул, патентов, заявок на патенты, механизмов, материалов, исследовательских данных, отчетов и планов, стоимости производства, контрактов, форм цен, объема торговли, методов содействия продажи

вал в прошлом до 200 миллионов рублей в год. Причем институты могли предложить промышленности на выбор сразу несколько схем сотрудничества: долговременные договоры с целыми отраслями, выпуск готовой продукции на своих опытных заводах, создание совместных предприятий, передача опытно-промышленных образцов на контрактно-лицензионной основе. И все это худобедно используется, но объемы контрактных договоров падают.

Что происходит? Хоздоговоры были всегда чем-то вроде зеркал, отражающих эффективность инновационной политики академических институтов, но, как теперь выясняется, эти зеркала были нередко кривыми. По мнению старшего научного сотрудника Института угля СО АН Н. Жданкина, подвергнувшего недавно в еженедельнике «Наука в Сибири» критике инновационную деятельность горной геомеханики, многое во внедренческой работе было сплошной липой, акты внедрения с просчитанным экономическим эффектом только камуфлировали огромные затраты на науку, хотя ее практическая отдача равнялась нулю.

Однако нельзя все валить на ученых. Стоит подумать и о ситуации в угольной промышленности, которая из-за низких цен на уголь, большого количества убыточных шахт получала ежегодно свыше 10 миллиардов рублей дотаций и именно такое «пособие по безработице», обещавшее вечную безбедную жизнь, начисто лишало горняков интереса к науке, хотя в планах внедрения она фигурировала как важнейший элемент технического прогресса и была бы им, когда бы не планово-принудительное распределение этого прогресса по богато-расточительным ведомственным епархиям.

Теперь, когда рухнула основа косного производства и нас завертело в вихре предрыночных перипетий, беда на науку навалилась с другой стороны. Новосибирский институт теоретической и прикладной механики предложил объединению «КамАЗ» испытать большегрузные автомобили в аэродинамической трубе и дать рекомендации по их оптимальной загрузке, без чего на Западе уже не работают. Получите валюту на экспорте, убеждали уче-

ные. А мы и так ее получим, отвечали производственники, продадим автомобили в лесные районы, приобретем лес, а лес обменяем на валюту. И это говорят на «КамАЗе», предприятию, которое одним из первых прокладывает дорогу к рынку!

Таким образом, научно-техническая революция, о необходимости которой так много говорилось в начале перестройки, в ближайшее время не предвидится, и очень может быть, что готовые научные разработки в ожидании своего часа еще долго будут плесневеть, а потом превратятся в морально изношенный хлам, хотя сейчас за доступ к ним Запад готов нам простить многомиллиардные долги.

Сейчас входит в моду создание бирж интеллектуальной собственности, но никто не может сказать, что выйдет из этой затеи. Любой брокер знает движение цен на уголь, лес, металл, автомобили, но ни один брокер не в состоянии сказать, сколько стоит та или иная научная разработка. Еще пример. В Академгородке приступают к реализации научно-технологического парка по аналогии с развитыми странами. Это логично, если учесть, что в Академгородке сосредоточено сразу 23 института и 20 опытных заводов. Но это и нелогично, поскольку в США, к примеру, или в Японии, которая начала создавать парки после знакомства с Новосибирским научным центром, есть куда встраивать эти парки, есть структура, делающая необходимой наличие своеобразной коммерческой оптовой базы научных достижений, а у нас такой структуры нет. Ну будет у нас парк, аккумулирующий самое передовое, что есть в академической науке, а кто сюда придет, как приходят на рынок за самым необходимым, даже самым дорогим?

Тем внимательнее, на наш взгляд, надо присматриваться к росткам «околонаучного» бизнеса, о котором в Академгородке сложились самые противоречивые точки зрения, о чем мы уже упоминали. Мобильные кооперативы, малые предприятия быстро стали осваивать хоть и плохонький, но рынок, успешно внедряя новинки в производство, но навлекли на себя огонь администра-

• НАИЛЬ ЧЕРДАКОВ (Новосибирская, Томская, Кемеровская обл., Алтайский край). Корпункт: 630102, г. Новосибирск, ул. Сакко и Ванцетти, д. 48, кв. 49.

НИКОЛАЙ ТАРАСЕНКО — редактор отдела корреспондентской сети, г. Москва, тел. 250-21-47.

товаров, списков имен или классов потребителей...».

Как видите, такие категории, как товар, цены, объемы торговли, маркетинг и другие, ставятся в один ряд с такими чисто исследовательскими, как открытия, изобретения, ноу-хау, методы, то есть в один стоимостной ряд. И утечка информации только по одному компоненту грозит фирме убытками. А ничто так не защищает собственность, в том числе интеллектуальную, как угроза банкротства.

Образно и точно сказал о сути необходимых перемен заместитель директора Института катализа, доктор химических наук, один из руководителей многопрофильного научно-технического кооператива «Катализатор» В. Пармон:

— К бизнесу нужно относиться очень внимательно. Дело в том, что если прибегать к сравнениям, то наука нуждается в няньке, которой везде является государство, и в импрессарио, продюсере, менеджере, который обеспечивает реализацию талантов и идей. Можно, конечно, спорить, какие формы малых предприятий нам нужнее всего. Но, на мой взгляд, академическая наука должна быть окружена бизнес-сферой, которая, стремясь к прибыли, будет перекачивать законченные разработки из лабораторий в экономику. Купил у института и с выгодой внедрил, усовершенствовал, перепродал — нет разницы. Бизнес не прокормит фундаментальную науку, но он двинет вперед научно-технический прогресс, а это означает резкий рост эффективности производства, соответственно укрепление государственного бюджета, который, в свою очередь, станет увеличивать дотации на академические исследования: Без такого замкнутого и стройного цикла, в котором бизнес является связующим элементом, нам из кризиса не выбраться...

В Академгородке это понимает большинство ученых, понимает это и администрация Сибирского отделения. Первые попытки сформировать бизнес-сферу делаются, создана ассоциация «Технасиб», задача которой, как сказал знакомый

вам С. Васьков, -- обеспечивать среду обитания дочерним и венчурным фирмам, юридическое и информационное обслуживание, маркетинг. Идея хорошая, но она станет практикой в полной мере лишь в том случае, если эти самые дочерние и венчурные фирмы будут наделены полной экономической свободой в выборе разработок, потребителей, изменения своего профиля в соответствии с меняющейся конъюнктурой рынка, если они будут не подчиняться институтам как любые их подразделения, хоть и коммерческие, а вступать в деловые контакты со стороны. Пока этому не научились и доморощенные кооперативы, и малые предприятия при институтах, пока в Академгородке больше доверяют контрольным функциям президиума, который не хочет разрушать уже сложившуюся систему инновационной деятельности, чем саморегулирующемуся механизму рынка, спроса и предложения, могучему стимулу прибыли. Что же, видимо, пока мы будем двигаться методом проб и ошибок, издержек не миновать.

Во время многочисленных встреч с учеными мы лишь наметили контуры серьезнейшей проблемы. И этой статьей мы не собираемся поучать академиков, давать рецепты коллективу Академгородка, интеллектуальный потенциал которого находится на высочайшем уровне. Но в заключение хотели бы вспомнить легенду о знаменитом яблоке Ньютона. Яблоко, которое способствовало созданию фундаментальных законов и открытий. Так вот, пока все мы не поймем, что главный секрет как раз в этом яблоке, в научном наитии, таинстве вдохновения, что это самый дорогой товар в мире, что он может и должен стать объектом рыночных отношений, мы не сможем поднять на ноги нашу больную экономику. А обыкновенная антоновка на наших базарах будет по-прежнему стоять дороже, чем изобретение, сулящее в будущем миллионные прибыли.

И. ТАРАСЕНКО.

Н. ЧЕРДАКОВ.

НОВОСИБИРСК -- МОСКВА.

Рис. Г. Новожиловой.

